

Давыдов А. Ю. Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е — начало 1940-х годов) / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 354—369. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369.

Davydov, A. Yu. (2022). Territorial Distribution of Soviet Industry in Context of Preparation of USSR for a Major War (Late 1920s — Early 1940s). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 354-369. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369

**Территориальное
размещение советской
промышленности
в контексте подготовки
СССР к большой войне
(1920-е — начало
1940-х годов)**

Давыдов Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

доктор исторических наук, профессор,
кафедра русской истории
(XIX—XXI вв.)
davydov.au@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**Territorial Distribution
of Soviet Industry
in Context of Preparation
of USSR for a Major War
(Late 1920s — Early 1940s)**

Alexander Yu. Davydov

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

Doctor of History, Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
davydov.au@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Давыдов А. Ю., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор рассматривает сложный процесс подготовки СССР к большой войне применительно к осуществлению «социалистической реконструкции» (термин, выдвинутый И. В. Сталиным в ноябре 1929 года), под которой понималась коренная перестройка экономической сферы и связанных с ней институций. В статье поставлена комплексная проблема, воплотившая в себе симбиоз ряда тем: НЭП, индустриализация, строительство социализма «по-сталински», подготовка к большой войне. Осмысливая ключевые тенденции эволюции модернизационного рывка конца 1920-х — начала 1940-х годов, автор статьи выделяет два его этапа. На первом (фактически продолжившем НЭП) преобладали принципы планомерного использования ресурсов, содержание второго свелось к очередному штурму социализма. Исследователь приходит к выводу о том, что ущерб, нанесенный народному хозяйству, оказался значительным и обусловил диспропорциональность его развития. В работе представлены доказательства ошибочности территориальной организации тяжелой индустрии, и прежде всего военно-оборонного комплекса накануне 22 июня 1941 года. Причина катастрофы первого периода Великой Отечественной войны обнаруживается в утрате важнейших предприятий, размещенных преимущественно в близких к западной границе районах.

Ключевые слова:

социалистическая реконструкция; НЭП; Наркомат тяжелой промышленности; индустриализация; пятилетние планы; оборонная индустрия; большая война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author considers the complex process of preparing the USSR for war in the context of the implementation of “socialist reconstruction” (a term put forward by I. V. Stalin in November 1929), which meant a radical restructuring of the economic sphere and related institutions. The article poses a complex problem that presents a symbiosis of a number of topics — the NEP, industrialization, the construction of socialism in the Stalinist way, preparations for a big war. Comprehending the key trends in the evolution of the modernization breakthrough of the late 1920s — early 1940s, the author points to two stages. The first (actually continuing the NEP) was dominated by the principles of the planned use of resources, the content of the second was reduced to the next assault on socialism. The researcher comes to the conclusion that the damage caused to the national economy turned out to be significant and became the reason for the disproportionality of its development. The document presents evidence of the fallacy of the territorial organization of heavy industry and, above all, the military-defense complex on the eve of June 22, 1941. The cause of the catastrophe of the first period of the Great Patriotic War is revealed in the loss of the most important enterprises located mainly in areas close to the western border.

Key words:

socialist reconstruction; NEP; People's Commissariat of Heavy Industry; industrialization; five year plans; defense industry; big war.

Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е — начало 1940-х годов)

© Давыдов А. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

В 1920-х — начале 1940-х гг. в СССР форсированными темпами осуществлялась «социалистическая реконструкция» (термин, выдвинутый И. В. Сталиным в ноябре 1929 года), под которой понимались процессы коренной перестройки экономической сферы и связанных с ней социальных институтов. Атрибутами реконструкции стали масштабные процессы индустриализации страны и создания мощного советского военно-оборонного комплекса. В научной литературе приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о появлении все новых крупных промышленных предприятий и наращивании объемов производства вооружения в указанное время.

Тем не менее не получил должной оценки фактор преимущественного размещения основных индустриальных объектов (в первую очередь — военно-оборонного комплекса) в западных районах страны, в которых их работа после 22 июня 1941 года стала невозможной. Построенные и реконструированные в ходе предвоенных пятилеток заводы прежде всего концентрировались на линии Ленинград — Москва — Брянск — Харьков — Днепропетровск. Коллизия состояла в том, что, готовясь к войне с агрессивными Германией и ее сателлитами, партийные и правительственные верхи по какой-то причине допустили размещение большей части мощностей по производству промышленной продукции в угрожаемой зоне, а нередко и в самой непосредственной близости от границы, например, в прибалтийских республиках. Как ни парадоксально, но главным образом пострадало производство боеприпасов, пороха, броневой стали, моторов для танков, боевых самолетов, горючего и т. п. [Куманев, 2008, с. 195, 199, 201, 204].

Стоит внимательно присмотреться к причинам и следствиям ошибки политического руководства. Рассмотрим проблему в исторической ретроспективе. В 1920-е годы политические и военные деятели старались исходить из острой потребности в постепенном перемещении доминанты индустриального развития в восточные районы, то есть на максимально безопасном расстоянии от западной границы. Тогда существовало понимание того, что в условиях подготовки к неизбежной и тяжелой будущей войне противоестественно было не воспользоваться исключительным стра-

тегическим преимуществом СССР — огромными просторами на востоке: площадь СССР составляла более 20 млн кв. км (это почти в 35 раз больше Франции, или в 30 раз больше Германии).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эйфористическая концепция ведения будущей войны малой кровью и на чужой территории, выросшая из фатальной убежденности в объективном превосходстве социалистического общества над капиталистическим, в нэповский период отнюдь не доминировала. Согласимся со шведским историком и экономистом Леннартом Самуэльсоном, утверждавшим, что представление о том, насколько далеко вглубь страны сможет прорваться противник, тогда отличалось реалистичностью [Самуэльсон, 2010, с. 47]. Данное обстоятельство на этапе НЭПа заставляло партийно-государственное руководство проявлять политическую волю, планируя и осуществляя индустриальный сдвиг в сторону востока. Тем не менее в 1930-е годы территориальные приоритеты изменились. На преимущественном сосредоточении в это время ресурсов на западном направлении акцентируют внимание современные исследователи Е. А. Тюрина, А. С. Степанов [Тюрина, 2007, с. 95—96; Степанов, 2009, с. 108—116]. Проблему недооценки территориального фактора в контексте подготовки к большой войне сформулировал А. К. Соколов, написавший о строительстве предприятий на опасных территориях: «Почему-то не приходило в голову, что эти заводы в случае войны окажутся в угрожаемой зоне» [Соколов, 2012, с. 460].

Дискуссионность темы выбора восточного и западного векторов индустриального развития определилась в 1920-е годы. В отправленном 12 июля 1925 года письме В. М. Молотову генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин подчеркивал: «При выработке строительной программы следовало бы учесть ... географически-стратегическое положение районов новых заводов. Наш основной тыл Урал, Поволжье, Черноземный юг... Питер в этом отношении абсолютно неудобен». Адресант имел в виду те территории, которые чаще «страдают отсутствием промышленности», то есть лишены индустриальной инфраструктуры. Осознавая дороговизну освоения таких областей, тем не менее Иосиф Виссарионович снова возвращался к тому же: «Именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных действий». Сталин в письме высказал особую тревогу: «Боюсь, начнут строить в приграничных районах». В 1925 году генеральный секретарь категорически предостерегал против уступок ведомствам и региональным начальникам, требовавшим располагать новые предприятия в западных областях — благоприятных для капитального строительства. Цитируемое письмо выражало коллективное мнение высших партийцев,

поскольку о согласии с текстом заявили в своих пометах на странице послания очень влиятельные в рассматриваемое время деятели Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак, Е. М. Ярославский [Письма ..., 1995, с. 30—31]. Примечательно, что через 8 дней Сталин отправил своему ближайшему товарищу Молотову еще одно письмо, в котором категорически настаивал на следовании курсу восточной ориентации тяжелой промышленности [Письма ..., 1995, с. 31—32]. Не случайно руководители Главного управления военной промышленности при НЭПе громко высказывались за концентрацию индустрии «в безопасных районах» [Соколов, 2012, с. 58].

Тем не менее в связи с начавшимся в 1929 году мировым экономическим кризисом, усилившим надежды на близкую победу европейского пролетариата, большевики начали сомневаться в осмысленности крупных затрат на промышленное освоение удаленных от границ районов. Так, на указанном ноябрьском пленуме глава правительства УССР В. Я. Чубарь возражал против восточного приоритета на том основании, что скоро «наша граница передвинется на Запад» [Индустриализация ..., 1997, ч. 1, с. 273].

В 1930-е годы предстояло сделать выбор между приоритетами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Реконструктивный» скачок: существенный отход от «восточного» ориентира

Хотя и медленно, но на этапе НЭПа определялся индустриальный крен в сторону востока. Как следует из составленного еще в октябре 1927 года отчета правительства за 1926—1927 годы, осуществлялись «в особенности значительные затраты на энергетическое хозяйство в Кузнецком бассейне». Из документа видно, что появилась электростанция в Кемеровском районе, происходила модернизация тринадцати уральских металлургических предприятий: Уфалейского, Чусовского, Кушвинского, Златоустовского и других [История индустриализации ..., 1969, кн. 1, с. 165, 170—171].

Начальный период первой пятилетки стал временем, когда верховному руководству удалось проявить политическую волю и добиться существенной «географической» переориентации капитальных вложений в уралосибирском направлении. На смещение вектора индустриальной географии указывает документ. Обратимся к подготовленной в декабре 1936 года справке «Данные Наркомтяжпрома СССР о капиталовложениях в важнейшие заводы черной металлургии по основным районам за 1927/28—1936 годы». В изучаемый период приведенные в документе показатели в полной мере отражали пропорции развития тяжелой индустрии. Вот какой была динамика: в «восточные заводы» (район Поволжья и дальше на Восток) было вложено в 1928 году 12 % указанных капиталовложений,

в 1929 году — 14 %, в 1930 году — 35 %, а в 1931 году — уже почти 60 %. Так называемые «южные заводы» (украинские) и «заводы центра» (под этим термином понимались и ленинградские) все более уступали свои позиции [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144].

Приведенные данные стали выражением тенденции, заложенной в первоначальных вариантах пятилетнего плана. Думается, на исходе нэповской эпохи, включая и начало «социалистической реконструкции» (то есть начало первой пятилетки), делалась ставка на развитие тяжелой промышленности, территориальная организация которой соответствовала в том числе и «отступательному» варианту развития будущей войны с западными государствами.

Приоритетным становилось уральское направление. Примечательно, что еще в 1927 году Госплан СССР утвердил разработанный Уральской плановой комиссией (при участии 150 квалифицированных специалистов из разных ведомств) «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 годов». Документ был нацелен на комплексное развитие региона, однако в первую очередь предполагалось стимулировать рост тяжелой промышленности. Было намечено за три пятилетки в 5 раз увеличить в регионе выпуск машиностроительной продукции посредством внедрения современных поточно-конвейерных технологий, построить 14 крупнейших профильных заводов (Челябинский тракторный, Уралмаш, Пермский моторостроительный и прочие) [Фельдман, 2017, с. 323—330]. Как видим, в 1927 году эксперты не сомневались в реальности варианта преимущественного осуществления в восточных областях мероприятий, призванных обеспечить оборонную мощь страны. Пятилетка предполагала и соответствующие территориальные пропорции наращивания капиталовложений.

Процесс постепенных изменений в нэповский и начальный посленэповский периоды к 1932 году приобрел форму деконструкции. С этого времени существенно увеличились вливания финансовых и материальных ресурсов в «южные заводы» и «заводы центра» [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144]. Определившийся в начале перехода к сталинскому «реконструктивному» этапу, то есть после ноябрьского 1929 года Пленума ЦК и состоявшегося в июне-июле 1930 года XVI съезда ВКП(б), авантюристический промышленный скачок привел в середине первой пятилетки к исчерпанию потенциала капитальных вложений. Из-за резкого и непродуманного расширения масштабов строительства новых заводов пришлось полностью или частично заморозить большую часть производственных объектов. По данным специалиста по истории индустриализации В. С. Лельчука, половина всех капиталовложений, выделявшихся на пятилетку, оказалась сосредоточенной всего лишь на 50—60 «ударных

объектах» [Лельчук, 1984, с. 142]. Обнаружилась критическая нехватка финансов и ресурсов; в результате пришлось в целях экономии закрывать самые затратные — то есть восточные — объекты. Требовалось либо существенно умерять темпы капитального строительства, либо сохранить заданную скорость экономического наступления, переместившись на относительно «дешевый» Запад; был выбран второй вариант.

Думается, создававшаяся народнохозяйственная модель стала результатом реализации доктрины «социалистической реконструкции», предполагавшей форсированное созидание любой ценой мощной индустрии. Последняя не столько отвечала требованиям ведения будущей большой войны, сколько должна была соответствовать представлению верхушки коммунистической партии о социалистическом обществе. Темпы созидания выступали абсолютным приоритетом. Главной целью было устройство прогрессивного социума, а уж он-то в схватке с фашизмом взял бы верх.

Обнаружилась переориентация территориальных приоритетов; в среднем ежегодно в «восточные заводы» (термин из упоминавшейся справки Наркомтяжпрома) вкладывалось капитальных вложений во второй пятилетке по 36 % вместо почти 60 % в 1931 году [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144]. Это было немало, но совершенно недостаточно с учетом большой дороговизны строительных работ в плохо освоенных приуральских или поволжских районах. Организация территориального размещения промышленности все менее соответствовала вызовам времени.

Третья пятилетка (рассчитывалась на 1938—1942 годы) занимала особое значимое место в ходе непосредственной подготовки к большой войне. Пятилетний план задним числом утвердили на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года. Этот план предполагал сосредоточение на доведении до проектной мощности тех предприятий, расположенных на Востоке страны, которые были формально, для галочки признаны введенными в строй в предшествовавший период (вроде Уфимского нефтеперерабатывающего завода), но работали с крайне малой отдачей.

Как следует из подготовленной для правительства докладной записки Госплана СССР об итогах выполнения Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства от 4 октября 1940 года, задания по капитальному строительству на отдаленных от западной границы территориях не выполнялись. Вот выдержка из доклада: «Капиталовложения в восточные районы осуществляются на более низком уровне, чем это предусмотрено Третьим пятилетним планом». В 1938 году объем работ по восточным районам составил лишь 25 % к общему объему капитальных работ по СССР, а в 1939 году — 24 % против предусмотренных директивами 39 % [История индустриализации ..., 1972, кн. 4, с. 45, 48, 55, 65—66].

Государственные руководители, санкционировавшие указанные директивы, осознавали риски приближавшейся войны и старались скорректировать промышленную политику. Недоставало политической воли сломать консервативный шаблон. В указанной докладной записке Госплана, подписанной его председателем Н. А. Вознесенским, было сказано: «На востоке рост производственных мощностей на заводах черной металлургии отстает от пятилетнего плана более значительно, чем в целом по СССР». Приводились данные о заметном сокращении именно там выплавки стали. Перечислялись провалы: в период первых двух с половиной лет третьей пятилетки в отдаленных от западной границы районах не было введено ни одной доменной печи, не удалось построить автозавод грузовиков, не сооружаются рудники и текстильные, металлургические, химические предприятия, не введены в строй нефтеперерабатывающие заводы, в Урало-Волжском районе не удалось создать мощную нефтяную базу и т. д. [История индустриализации ..., 1972, кн. 4, с. 66, 70—72].

Предвоенная пятилетка не изменила утвердившийся канон территориальной организации индустрии. Если исходить из оценки численности трудовых коллективов, то самые крупные предприятия тяжелой промышленности к предвоенному времени находились на Украине. Там расположились заводы: имени Ильича в Мариуполе (17,8 тыс. чел.), имени Ф. Дзержинского в Днепродзержинске (17,6 тыс. чел.), Енакиевский (12,3 тыс. чел.), Макеевский (12,2 тыс. чел.), Сталинский (ныне Донецкий — 12 тыс. чел.). В 1937—1941 годах был построен крупнейший завод тяжелого станкостроения — Краматорский. Исходя из подобных фактов, маститый исследователь, профессор С. С. Хромов делал вывод «о традиционной склонности руководства страны к развитию промышленного потенциала Украины» [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 6]. Напомним, что во второй половине 1941 года оккупантам достались богатые трофеи. Когда гитлеровцы пришли в Донбасс, то их инженеры при осмотре местных заводов не раз восхищенно повторяли: «Рур, Рур!». Они справедливо сравнивали Донбасс с крупнейшей промышленной базой Германии [Хрущев, 2016, с. 221].

3.2. Территориальная организация военной индустрии: коллизия кануна большой войны

Дефекты территориального распределения индустриальных мощностей в преумноженном виде воплотились в сфере военной промышленности. Перед большой войной на востоке возникли отдельные крупные предприятия, но не появилась система взаимосвязанных и дополнявших друг друга фабрик и заводов, способных производить в необходимом количестве военную технику; зато подобная система возникла в западной (угрожаемой) части СССР. В то же время реальность успешного и доволь-

но скорого создания развитого военно-оборонного промышленного комплекса в безопасной части СССР вполне подтвердили первые полтора-два года Великой Отечественной войны. Та перестройка, которая совершилась в экономике в середине 1941 — середине 1943 годов, вполне могла быть осуществлена в предвоенный период. В этом случае построили бы в целом меньше, но заводы вовсю работали бы после 22 июня 1941 года, а не оказались на прифронтовой или оккупированной территории.

Объекты оборонной индустрии в наибольшей степени зависели от развитой инфраструктуры, имевшейся в западных районах СССР. Поэтому их и сосредотачивали именно там. Директор Российского государственного архива экономики Е. А. Тюрина констатировала: «Предприятия оборонной промышленности располагались на оккупированной территории гораздо чаще, чем остальные». Последствия непродуманной политики территориального размещения стратегически значимых производств оказались катастрофическими: в 1941 году свыше 80 % всех предприятий оборонной индустрии, в том числе 94 % авиационных заводов, находились в сфере боевых действий или в прифронтовых районах [Тюрина, 2007, с. 95—96]. В итоге состояние советской индустриальной системы к концу 1941 года оказалось близким к полному параличу [Куманев, 2008, с. 214].

С первых дней войны в катастрофическое положение попала промышленность по производству боеприпасов, поскольку ее заводы в еще большей степени, чем другие отрасли, размещались в угрожаемой зоне. К ноябрю 1941 года из строя было выведено 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы (снаряды, мины, авиабомбы). Месячный выпуск этих производств составлял более 8 млн корпусов снарядов, почти 3 млн мин, около 8 млн взрывателей, более 2,5 млн ручных гранат и т. п. Были утрачены или начали эвакуироваться не менее двух третей мощностей по выпуску порохов [Демидов, 2010, с. 389]. Поэтому в 1942 году Советский Союз произвел 67 698 тонн пороха, а Германия — 146 563 тонны; в итоге артиллерийскую дуэль на фронтах рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) почти всегда проигрывала [Исаев, 2020, с. 104].

В районах, опасно приближенных к западной границе, производилась основная часть танков и самолетов. За 10 месяцев до большой войны, в августе 1940 года, было принято решение о налаживании производства самолетов и моторов для них на юге и на западе страны. Наркомат авиационной промышленности приступил к сооружению крупных предприятий в Днепропетровске, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону, Запорожье. В октябре 1940 года правительство постановило развернуть новые авиазаводы в Минске и Могилеве, Таллинне, Риге, Каунасе. Примечательно, что в это время 60 % алюминия для авиации производились на Волховском и Дне-

провском алюминиевых заводах, которые в годы Великой Отечественной войны продукцию не выпускали [Соколов, 2012, с. 459—460].

3.3. Ставка на оборонную промышленность Ленинграда — города у западных границ

Крупнейшим центром авиационного и танкового производства стал Ленинград. По концентрации производств оборонной индустрии Ленинград не уступал Украине. И. В. Сталин 17 апреля 1940 года в речи на совещании в ЦК ВКП(б) по обобщению опыта боевых действий против Финляндии заявил, что «Ленинград представляет процентов 30—35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны» [Зимняя ..., 1998, с. 272]. В этом городе выпускались треть всей электротехнической продукции, четверть — машиностроительной; в то же время производилось в общей сложности 10 % союзной промышленной продукции. Как видно, размещение «оборонки» (а также сосредоточение жизненно важных для нее отраслей) здесь было минимум в три раза более плотным, чем общепромышленного производства [Отечественный ..., 2014, с. 15].

Документы, обнаруженные автором в «особой папке» (секретное делопроизводство) бюро Ленинградских обкома и горкома партии, выявляют тенденцию форсированного сосредоточения в крупнейшем городе на Неве военной промышленности именно на рубеже 1930-х—1940-х годов. Летом 1940 года в регионе предпринимается ряд масштабных акций по выполнению указаний постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР (от 26 июля 1940 года) «Об организации производства военных самолетов и авиационных моторов в Ленинграде». Предполагалось в ускоренном темпе соорудить в городе заводы (три авиационных и авиадвигательный), на которых должны были работать 50 тыс. человек [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2а, д. 159, л. 2—8; Там же, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 81—84, 93—100; Там же, д. 98, л. 2—4; Там же, д. 100, л. 59]. Выразительно, что в Ленинградском Горкоме ВКП(б) появилось восемь «отраслевых» секретарей, каждый из которых отвечал за отдельное направление (танки, авиация, пушки и т. д.) [Болдовский, 2016, с. 66—67]. Ленинград стал центром изготовления узлов и деталей для истребителей и штурмовиков. На Ижорском заводе заканчивалось сооружение крупных мартеновских и электрических печей [Степанов, 2009, с. 116—117, 497; ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2б, д. 835, л. 24—30].

Мощная советская танковая промышленность размещалась в опасной близости от западной границы. Летом 1940 года Ижорский и Кировский заводы стали серьезно расширять свое оборонное производство, приступив к выполнению «специального правительственного задания», сформулированного в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 мая 1940 года о се-

рийном производстве на предприятиях тяжелых танков «КВ». Из обнаруженных в архивном фонде докладных записок, представленных в 1940 году Ленинградскому горкому партии, следует, что в целях решения этой капитальной задачи на заводы нескончаемым потоком пошли станки, машины, механизмы [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 9, 11—13, 15, 17, 19, 26]. Коллективы названных предприятий, а также и десятков заводов-смежников Ленинграда работали в лихорадочной обстановке: постоянно поступало новое оборудование, форсированно монтировались мощные краны и прессы [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 15, 17—18]. Директорам Ижорского и Кировского заводов Н. С. Казакову и И. М. Зальцману на заседаниях Горкома ВКП(б) «ставили на вид», если они не успевали «представить списки на потребное им оборудование» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 17]. Итоги производственной горячки были налицо; неслучайно Ижорский завод перед войной называли «законодателем по броне» — он был абсолютным лидером в изготовлении корпусов боевых машин.

Перед 22 июня 1941 года имелось 4 самых крупных танкостроительных завода. Производили тяжелые и средние танки Кировский и Завод № 174 (в Ленинграде) им. К. Е. Ворошилова, Харьковский паровозостроительный, сборка легких танков осуществлялась на Заводе № 37 в Москве. Изготовление танковых компонентов и сборку танков в 1930-е годы осуществлял Сталинградский тракторный завод; однако, по данным исследователя А. К. Соколова, он работал «исключительно медленными темпами», то есть хуже всех [Соколов, 2012, с. 464, 474].

Вскоре после начала большой войны была парализована работа всех ведущих танкостроительных центров страны, расположенных в восточной Украине, Ленинграде, Москве [Мельников, 2018, с. 330]. Потеряв уже в первые 18 суток после начала войны 12 тыс. танков, а также лишившись вскоре после 22 июня расположенных в 50—120 км от западной границы крупных мобилизационных запасов, Советский Союз на протяжении продолжительного времени не имел шансов восполнить понесенный урон. По данным статистического сборника «Гриф секретности снят», во второй половине 1941 года враг уничтожил 20,5 тыс. танков, 17,9 тыс. самолетов и 101 тыс. артиллерийских орудий и минометов. Утрачены были основные «накопления» всего периода социалистической реконструкции 1930-х годов. Не случайно потери военной техники в ходе боевых действий в 1942 году резко сократились: ее просто не было [Гриф ..., 1993, с. 368].

3.4. Эвакуация заводов на восток: проблема ее результативности

Анализ ситуации исследуемого периода актуализирует проблему ответственности эвакуации заводов. Не подлежит никакому сомнению то, что многотрудную эвакуацию первого этапа большой войны следует занести

в летопись героических подвигов советского народа. Тем не менее она представляла собой противоречивое явление, поскольку перемещение на восток предприятий было делом чрезвычайно долгим и связанным с колоссальными потерями и затратами. К тому же и директивы об эвакуации отдельных отраслей индустрии принимались с очень большим запозданием. Все привычно ожидали указаний Сталина, а тот медлил и упускал время. Так, по данным историка А. Ю. Ермолова, постановление Государственного комитета обороны об эвакуации крупнейших танковых заводов было утверждено только 12 сентября 1941 года (Ленинград был к тому времени блокирован, а Харьков немцы взяли уже 24 октября 1941 года). Из-за дезорганизации работы государственных органов и острой нехватки подвижного состава не успели вывезти значительную часть оборудования, машин и ценных складских запасов перебазировавшихся заводов. Ермолов А. Ю. доказывает, что «стабильный режим работы» танковой промышленности на Востоке удалось наладить только к середине 1943 года [Ермолов, 2009, с. 74—75, 309]. Представляется малоубедительным утверждение советской историографии об осуществлении «перевода народного хозяйства на военный лад ... в течение года». К редким явлениям следует отнести вступление заводов в строй через полтора месяца после начала их эвакуации [История, 1982, с. 158—159].

Вывезти в безопасные районы подавляющее большинство заводов не удалось. В Поволжье, на Урал, в Сибирь в 1941 году переместили 2593 предприятия из расположенных на оккупированных территориях 31 850 [Куманев, 2010, с. 82]. Из этих 2593 предприятий 1523 относились к крупным: 93 предприятия черной металлургии, 150 машиностроительных, 200 фабрик легкой, 250 пищевой и 150 текстильной промышленности и т. д. [Демидов, 2010, с. 386]. При этом многие производственные мощности использовать на новых местах не получилось. Спешно демонтировать, погрузить в вагоны и перевезти на сотни и тысячи километров крупные предприятия, сооружавшиеся на протяжении длительного предвоенного времени, оказывалось трудно разрешимой задачей. Вывозимое на восток оборудование частично терялось в пути, месяцами лежало на платформах поездов, в ряде случаев сваливалось в кучи на заводских площадках и портилось под открытым небом; оборудование зачастую прибывало на места в разукomплектованном состоянии и не могло быть использовано. Случалось, на новых местах рабочие разбегались из-за отсутствия жилья и продовольствия; в Куйбышеве (сегодня — Самара) в декабре 1941 года на авиационных предприятиях не хватало 30 тыс. работников [Быстрова, 2006, с. 196—199].

Парадоксально, что государственное руководство в довоенное время, смещая индустрию на Запад, не уставало проявлять беспокойство из-за возможности вражеского удара. И. Сталин на вышеуказанном совещании 17 апреля

1940 года даже рассмотрел гипотетический вариант захвата Ленинграда финскими войсками [Зимняя ..., 1998, с. 272]. 21 мая 1940 года была создана комиссия при Ленинградском Горкоме ВКП(б) для перевода некоторых предприятий «к своим сырьевым базам» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2, д. 2622, л. 86]. Однако политической воли сломать порочные территориальные пропорции и структуры не доставало. Не обнаружено сведений о перемещении в тот период каких-то серьезных производств из Ленинграда на восток. Наоборот, как отмечалось выше, в Ленинграде совсем незадолго до Великой Отечественной войны возводились все новые (в первую очередь, военные) предприятия.

4. Заключение = Conclusions

Значимой причиной военной катастрофы второй половины 1941—1942 годов стала крайне слабая вооруженность РККА. Она в решающей степени обуславливалась тем, что тогда большая часть индустриальных мощностей была надолго или навсегда выведена из строя. Коллизию определила ошибочная — с акцентировкой на западные районы — территориальная организация индустриального капитального строительства, и главным образом в военно-промышленной сфере. Разумеется, даже при самом благоприятном развитии предвоенных событий полный перевод основных предприятий в восточные районы состояться не мог. Однако существенное смещение акцентов в выборе географии расположения промышленности было вполне возможно. К сожалению, сознание вождей и части народа пронизывал пафос индустриальной гонки как атрибута «социалистической реконструкции». Ударные темпы движения стали делом более важным, чем его правильное направление. Строили заводы там, где было дешевле и проще, преимущественно на Украине и в Ленинграде. Государство добилось больших экономических результатов, но не сумело вполне использовать имеющиеся возможности и преимущества.

Источники и принятые сокращения

1. *Гриф секретности снят* : Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : Статистическое исследование / под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. — Москва : Воениздат, 1993. — 416 с. — ISBN 5-203-01400-0.
2. *Зимняя война, 1939—1940*. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) / ответственные редакторы Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский. — Москва : Наука, 1998. — Книга 2. — 295 с. — ISBN 5-02-009752-7.
3. *Индустриализация Советского Союза*. Новые документы. Новые факты. Новые подходы : сборник официальных документов : в 2 частях / под редакцией С. С. Хромова. — Москва : Институт российской истории РАН, 1997—1999. — Ч. 1. — 292 с ; — Ч. 2. — 302 с. — ISBN 5-201-00636-1.
4. *История индустриализации СССР (1926—1941 гг.)*. Документы и материалы. В 4 кн. / сост. З. К. Звездин и др. — Москва : Наука, 1969—1972. — Книга 1 : Ин-

дустриализация СССР 1926—1928 гг. — 535 с. ; Книга 4 : Индустриализация СССР 1938—1941 гг. — 424 с.

5. *Письма* И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов. — Москва : Издательский центр «Россия молодая», 1995. — 303 с. — ISBN 5-86646-071-8.

6. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 книгах / Н. С. Хрущев. — Москва : Вече, 2016. — Книга 1. — 895 с. — ISBN 978-5-4444-5363-6.

7. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 2а. Д. 159. Л. 2—8 ; Оп. 2б. Д. 835. Л. 24—30 ; Ф. Р-25 (Ленинградский городской комитет КПСС). Оп. 2. Д. 2622. Л. 86 ; Оп. 2а. Д. 90. Л. 9, 11—13, 15, 17—19, 26, 81—84, 93—100 ; Оп. 2а. Д. 98. Л. 2—4 ; Оп. 2а. Д. 100. Л. 59.

Литература

1. *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны / К. А. Болдовский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. — 2016. — № 2. — С. 61—73. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.205.

2. *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс : проблемы становления и развития (1930—1980-е годы) / И. В. Быстрова. — Москва : Институт российской истории РАН, 2006. — 704 с. — ISBN 5-8055-0178-3.

3. *Демидов А. М.* Перебазирование объектов промышленности СССР в первые годы Великой Отечественной войны и органы госбезопасности / А. М. Демидов // Экономическая история : ежегодник. — 2010. — Т. 2010. — С. 365—406.

4. *Ермолов А. Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Ермолов. — Москва : Литера-С, 2009. — 310 с. — ISBN 978-5-94506-232-0.

5. *Исаев А. В.* «... И танки наши быстры!» / А. В. Исаев // Родина. — 2020. — № 6. — С. 102—105.

6. *История* Второй мировой войны. 1939—1945 гг. : в 12 т. / под общей редакцией А. А. Гречко. — Москва : Воениздат, 1982. — Т. 12. — 495 с.

7. *Куманев Г. А.* Вклад советской военной экономики в победу / Г. А. Куманев // Война. Народ. Победа : материалы международной научной конференции, Москва, 15—16 марта 2005 г. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2008. — С. 188—224. — ISBN 978-5-02-035989-5.

8. *Куманев Г. А.* Война и эвакуация 1941—1942 гг. / Г. А. Куманев // Народ и война : очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Москва : Гриф и К, 2010. — С. 60—92. — ISBN 978-5-8125-1453-2.

9. *Лельчук В. С.* Индустриализация СССР : История, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. — Москва : Политиздат, 1984. — 304 с.

10. *Мельников Н. Н.* Миф успеха индустриализации : основные проблемы становления и развития советского танкостроения в 1929—1945 гг. / Н. Н. Мельников // Советский проект. 1917—1930-е гг. Этапы и механизмы реализации. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 325—334. — ISBN 978-5-7996-2489-7.

11. *Отечественный* военно-промышленный комплекс в XX — начале XXI веков (историография проблемы) / А. В. Лосик, А. Ф. Мезенцев, П. П. Минаев, А. Н. Щерба. — Санкт-Петербург : Медиа Стайл, 2014. — 539 с. — ISBN 978-5-9904906-1-1.

12. *Самуэльсон Л.* Танкоград : секреты русского тыла, 1917—1953 / Л. Самуэльсон. — Москва : Политическая энциклопедия, 2010. — 375 с. — ISBN 978-5-8243-1477-9.

13. Соколов А. К. От военпрома к ВПК : советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. / А. К. Соколов. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 523 с. — ISBN 978-5-94881-184-0.

14. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 гг.) / А. С. Степанов. — Москва : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. — 544 с. — ISBN 978-5-91244-020-5.

15. Тюрина Е. А. Уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий на Восток в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Е. А. Тюрина // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. Материалы всероссийской научно-практической конференции, 21—22 апреля 2005 г. — Москва : Academia, 2007. — С. 94—106. — ISBN 978-5-87444-336-8.

16. Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области : на 1926—1941 гг.» : между мифом и реальностью / М. А. Фельдман // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 322—332. — ISBN 978-5-7996-2273-2.

Material resources

And Letters. V. V. Stalin. M. Molotov. 1925—1936 Collection of documents. (1995). Moscow: Publishing Center “Young Russia”. 303 p. ISBN 5-86646-071-8. (In Russ.).

Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. F. R-24 (Leningrad Regional Committee of the CPSU). Op. 2a. D. 159. L. 2—8; Op. 2b. D. 835. L. 24—30; F. R-25 (Leningrad City Committee of the CPSU). Op. 2. d. 2622. l. 86; Op. 2a. d. 90. L. 9, 11—13, 15, 17—19, 26, 81—84, 93—100; Op. 2a. d. 98. L. 2—4; Op. 2a. D. 100. L. 59. (In Russ.).

History of industrialization of the USSR (1926—1941). Documents and materials. In 4 books, 1, 4. (1969—1972). Moscow: Nauka. 535 p.; 424 p. (In Russ.).

Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. Collection of official documents. At 2 o'clock, 1, 2. (1997—1999). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 292 p.; 302 p. ISBN 5-201-00636-1. (In Russ.).

Khrushchev, N. S. (2016). *Memoirs. Time. People. Power. In 2 books, 1.* Moscow: Veche. 895 p. ISBN 978-5-4444-5363-6. (In Russ.).

Secrecy stamp removed: Losses of the Armed Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts: Statistical research. (1993). Moscow: Voenizdat. 416 p. ISBN 5-203-01400-0. (In Russ.).

Winter War, 1939—1940. I. V. Stalin and the Finnish campaign. (Transcript of the meeting at the Central Committee of the CPSU (b), 2. (1998). Moscow: Nauka. 295 p. ISBN 5-02-009752-7. (In Russ.).

References

Boldovsky, K. A. (2016). Gorkom VKP (b) and the management system of Leningrad at the beginning of the Great Patriotic War. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History*, 2: 61—73. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.205. (In Russ.).

Bystrova, I. V. (2006). *The Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930s—1980s)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 704 p. ISBN 5-8055-0178-3. (In Russ.).

- Demidov, A. M. (2010). Relocation of industrial facilities of the USSR in the first years of the Great Patriotic War and state security agencies. *Economic history: Yearbook, 2010*: 365—406. (In Russ.).
- Ermolov, A. Yu. (2009). *Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War*. Moscow: Litera-S. 310 p. ISBN 978-5-94506-232-0. (In Russ.).
- Feldman, M. A. (2017). “The master plan for the development of the Ural region: for 1926—1941”: between myth and reality. In: *The epoch of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations. Collection of scientific papers*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 322—332. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- History of the Second World War. 1939—1945: in 12 volumes, 12*. (1982). Moscow: Voenizdat. 495 p. (In Russ.).
- Isaev, A. V. (2020). “... And our tanks fast!”. *Rodina*, 6: 102—105. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (2008). Contribution of the Soviet military economy to victory. In: *War. People. Pobeda: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, March 15—16, 2005*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 188—224. ISBN 978-5-02-035989-5. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (2010). War and evacuation 1941—1942. In: *People and war: essays on the history of the Great Patriotic War 1941—1945*. Moscow: Vulture and K. 60—92. ISBN 978-5-8125-1453-2. (In Russ.).
- Lelchuk, V. S. (1984). *Industrialization of the USSR: history, experience, problems*. Moscow: Politizdat. 304 p. (In Russ.).
- Melnikov, N. N. (2018). The myth of the success of industrialization: the main problems of the formation and development of the Soviet tank industry in 1929—1945. In: *Soviet project. 1917—1930-ies. Stages and mechanisms of implementation*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 325—334. ISBN 978-5-7996-2489-7. (In Russ.).
- Samuelson, L. (2010). Tankograd: secrets of the Russian rear, 1917—1953. Moscow: Political Encyclopedia. 375 p. ISBN 978-5-8243-1477-9. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2012). *From the military industry to the Military — industrial complex: Soviet military industry. 1917 — June 1941*. Moscow: Novy Chronograph. 523 p. ISBN 978-5-94881-184-0. (In Russ.).
- Stepanov, A. S. (2009). *Development of Soviet aviation in the prewar period (1938 — the first half of 1941)*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 544 p. ISBN 978-5-91244-020-5. (In Russ.).
- The domestic military-industrial complex in the XX — early XXI centuries. (historiography of the problem)*. (2014). Saint Petersburg: Media Style. 539 p. ISBN 978-5-9904906-1-1. (In Russ.).
- Tyurina, E. A. (2007). Unique experience of evacuation of industrial enterprises to the East during the Great Patriotic War of 1941—1945. In: *Unity of the front and rear in the Great Patriotic War. 1941—1945. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 21—22, 2005*. Moscow: Academy. 94—106. ISBN 978-5-87444-336-8. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.08.2022,
одобрена после рецензирования 29.09.2022,
подготовлена к публикации 17.10.2022.